

ВОЙНА И СЕЦЕССИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА С МОРАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Бруно Коппитерс

Введение¹

Советский Союз был сильно централизован в политическом плане и отчасти децентрализован в административном. Коммунистическая партия контролировала власть на всех уровнях, а принцип разделения властей был отвергнут как «буржуазная идеология». Однако московское руководство предприняло серьезные попытки пойти навстречу требованиям национального самоопределения.² Советский федерализм соединял задачу политического контроля со стороны коммунистического руководства с этнотерриториальной формой децентрализации. Многоуровневая форма правления позволяла крупным национальностям до известных пределов осуществлять самоуправление на определенной территории и пользоваться признанием в качестве ее «титულიной нации». Это происходило в соответствии с иерархическим принципом распределения наций в зависимости от ряда критериев, таких как

· Данный текст был написан Бруно Коппитерсом и опубликован под заглавием: “War and Secession: a Moral Analysis of the Georgian-Abkhazian Conflict”, в сборнике: Bruno Coppiters and Richard Sakwa (eds.), *Contextualizing Secession. Normative Studies in Comparative Perspective*, Oxford, Oxford University Press, 2003, pp. 187-212. Русский перевод этого текста опубликован с разрешения издательства Оксфордского университета, адрес которого в Интернете: <http://www.oup.com/>

¹ Я хотел бы поблагодарить за отзывы на первый вариант этой статьи, сделанные Борисом Кашниковым, Катрин Гишер, Джорджем Хьюиттом, Джонатаном Коэном, Томасом Маркертом, Михаилом Лобжанидзе, Крейгом Олифантом, Теодором Ханфом, Рейчел Клогг, Вячеславом Чирикбой, Гиа Нодиа, Тамарой Ковзиридзе, Ираклием Лайтадзе, Карлом Кёлемансом и Алексеем Зверевым.

² О советской национальной политике и ее влиянии на распад Советского Союза см.: Kaiser Robert J. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton/New Jersey // Princeton University Press, 1994 и Тишков В. А. *Этничность, национализм и конфликты после Советского Союза* М.: Русский мир, 1997.

Бруно Коппитерс. Война и сецессия: исследование грузино-абхазского конфликта с моральной точки зрения, в сборнике: Исследования по вопросу сецессии на Кавказе. Ред. Бруно Коппитерс. Брюссель: Факультет политологии Свободного Брюссельского университета (VUB), 2011, p. 79-113 <http://poli.vub.ac.be/publi/>

© 2011 г. Все права зарезервированы. Никакая часть настоящей работы не может быть опубликована без разрешения автора.

численность населения и географическое положение. Политическое влияние национальной группы внутри коммунистического руководства также могло иметь значение. Союзные республики обладали наивысшим политическим статусом, формально предполагавшим суверенитет и право на сепарацию. За ними следовали автономные республики, обладавшие конституцией и некоторыми другими признаками неполной государственности, но лишенные суверенитета или права на отделение. Автономные области располагались еще ниже в этой иерархии.

Таким образом, советский федерализм зиждился на трех несовместимых способах применения конституционных принципов. Формально он отвергал принцип «горизонтального» разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную, но формально он признавал федерацию, которая основывается на принципе «вертикального» разделения полномочий и в которой сферы управления распределены на многих уровнях. Советский федерализм признавал право наций на самоопределение, но их политический статус автократически определялся коммунистическим руководством. Наконец, суверенитет считался неделимым, что отражало общее представление об однопартийной системе, но суверенитет союзных республик, по аналогии с суверенитетом Советского государства, был конституционно закреплен, включая и их право на отделение³. Во всех трех противоречиях воспроизводились особые формы дискриминации - несправедливое распределение власти между титульными нациями и их политическими образованиями в федеративной системе административной децентрализации вело к неравенству национальностей, когда дело доходило до признания их права на самоопределение на формально-конституционном уровне, особенно в отношении суверенитета и права на сепарацию.

³ Определение суверенитета советского государства дано в статье 75 («Суверенитет СССР распространяется на всю его территорию»), а определение суверенитета союзных республик в статье 76 гласит: «Союзная республика является суверенным советским социалистическим государством, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик». Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Издательство Агентства Печати «Новости». 1977. С. 59.

Эти противоречия не вели к открытым конфликтам до тех пор, пока коммунистическая партия обладала властью непререкаемого арбитра в национальных конфликтах. Однако даже тогда национальные руководители предпринимали множество попыток устранить эти заметные проявления несправедливости и повысить свой собственный политический статус, пользуясь официальными каналами. Например, весь советский период так поступали татары и абхазы. Демократизация советского режима после 1987 г. привела к выдвижению радикальных требований и мобилизации народов. Начиная с 1988 г., армяне Нагорного Карабаха - Автономной Области Азербайджана, населенной преимущественно армянами, безуспешно пытались «исправить» границы между Арменией и Азербайджаном и добиться включения их территории в состав Армении. Как только власть коммунистической партии начала слабеть, дефицит легитимности наличного распределения полномочий стал причиной упразднения советской федеративной системы. Обретение независимости всеми союзными республиками не привело к серьезным столкновениям между равными по статусу республиками. Их интеграция в мировое сообщество и участие в ряде межправительственных организаций по безопасности, например, в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), облегчили дипломатическое решение спорных вопросов о территориальных границах, правах народов и меньшинств. Единственным исключением была эскалация конфликта между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха.

Совсем иначе, однако, складывалось положение в политических образованиях с неравным статусом. В этом случае процесс распада привел к выдвижению множества сепаратистских или ирредентистских требований, а в обстановке, сложившейся на Кавказе и Молдавии, - к ожесточенным конфликтам. Отношения между Грузией и Абхазией - весьма показательный тому пример⁴.

⁴ Об истории грузино-абхазских отношений см.: Лакоба Станислав. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1990; Лакоба Станислав. Абхазия. После двух оккупаций. Гагра: Ассоциация «Интеллигенция Абхазии», 1994; Slider Darrell, глава "Georgia" в: Curtis Glenn Eldon (ed.). Armenia, Azerbaijan and Georgia. Country Studies. Washington: Library of Congress, 1995. P. 149-230; Zhorzholiani Giorgi, Lekishvili Solomon, Toidze Levan, Khoshtaria-Brosset Edisher. Historic, Political and Legal Aspects of the Conflict in Abkhazia. Tbilisi: Samshoblo Publishers, 1995; Тоидзе Леван. К

В рамках советской федеративной системы Грузия была союзной республикой с населением примерно в 5,4 млн. человек при том, что, по данным последней переписи (1989 г.), грузины как титульная нация составляли около 70% населения. Другими национальностями были армяне, азербайджанцы, русские, осетины и абхазы. Абхазия была Автономной Республикой. Ее население насчитывало 526,061 тыс. человек, из которых титульная нация - абхазы - составляла примерно 18%. К другим национальностям относились грузины (около 46%, включая этнические группы мингрелов и сванов), армяне, русские и греки. Отношения между грузинами и абхазами носили конфликтный характер на протяжении всего XX века. В особенности так было в короткий период независимости Грузии (1918-1921 гг.).

С установлением советского режима этнонациональные конфликты были подавлены. Тогда Абхазия была подчинена Грузинской союзной республике. Процесс ее подчинения осуществлялся на протяжении 20-х гг. XX века посредством последовательно проведенных конституционных мероприятий. В 30-е и 40-е гг. сталинская политика террора исключала публичное выражение национального недовольства. С точки зрения грузин и абхазов этот период XX в. был самым мрачным. В Грузии репрессии были крайне жестокими, как и везде в Советском Союзе, но абхазам к тому же пришлось пережить попытки уничтожить их

вопросу о политическом статусе Абхазии. Страницы истории 1921-1931 гг. Тбилиси: Издательство Самшобло, 1996; Gerber Jurgen. Georgien: Nationale Opposition und kommunistische Herrschaft seit 1956. Baden-Baden: Nomos Verlag, 1997; Gelaschwili Naira. Georgien. Ein Paradies in Trümmern. Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag, 1993; Chervonnaya Svetlana. Conflict in the Caucasus. Georgia, Abkhazia and the Russian Shadow. London: Gothic Image, 1994; Ментешашвили Автандил. Исторические предпосылки современного сепаратизма в Грузии. Тбилиси: Типография Тбилисского Государственного Университета, 1998; Коппитерс Бруно, Нодиа Гиа, Анчабадзе Юрий. Грузины и абхазы. Путь к примирению. М.: Весь Мир, 1998; Коппитерс Бруно, Дарчиашвили Давид, Акаба Нателла. Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. М.: Весь Мир, 1999; Nodia Ghia. Trying to Build Democratic State Institutions in Independent Georgia // Gerhard Mangott (ed.). Brennpunkt Kaukasus. Aufbruch trotz Krieg, Vertreibung und Willkürherrschaft? Wien: Braumüller, 1999. P.105-137; Джонатан Коэн (ред.). Проблема суверенитета. Грузино-абхазский процесс мирного урегулирования // Accord. Международный журнал мирных инициатив. Выпуск 7. 1999; Hewitt George (ed.). The Abkhazians. Richmond/Surrey: Curzon, 1999; Herzog Edmund. The New Caucasus. Armenia, Azerbaijan and Georgia. London and New York, Pinter, 1999; Жоржолиани Георгий. Исторические и политические корни конфликта в Абхазии/Грузия. Тбилиси: Мецниереба, 2000; Cornell Svante. Small Nations and Great Powers. A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus. Richmond/Surrey: Curzon, 2001; Коппитерс Бруно. Федерализм и конфликт на Кавказе. М.: Московский Центр Карнеги, 2002.

национальную культуру. Политика насильственного огрузинивания навязывалась советским режимом, что мешало абхазам проводить различия между несправедливостями, чинимыми советскими и грузинскими властями. Тем не менее, абхазы избежали судьбы чеченцев и других кавказских народов, которых депортировали в Центральную Азию. Страх перед насильственным огрузиниванием и угнетением с тех пор питал абхазский национализм. После смерти Сталина в 1953 г. вновь обострилась проблема политического статуса. Абхазские интеллигенты и известные деятели партии направили множество обращений к московскому руководству с просьбой о выходе из состава Грузинской ССР и образовании союзной республики либо о вхождении в состав России. Стремление абхазского руководства к уравниванию в формальном статусе с Грузинской ССР имело огромное политическое значение. Оно надеялось, что Москва будет относиться к Абхазии так же, как к другим союзным республикам, как к равной среди равных. Отмена подчинения Тбилиси оградила бы республику от огрузинивания. Обретение статуса «титულიной нации» укрепило бы привилегированное положение абхазской элиты, а также повысило престиж всех этнических абхазов в сферах образования и культуры.

Когда Грузия провозгласила свою независимость в апреле 1991 г., абхазская община усмотрела в этом угрозу. Заявленное грузинским руководством намерение поставить под сомнение привилегии титульных наций автономных образований на территории Грузии в Абхазии восприняли очень серьезно. Эти опасения усилились из-за острого конфликта, возникшего в Юго-Осетинской АО. Осетинское национальное движение боролось за объединение своей области, находившейся на территории Грузии, с Северо-Осетинской АССР, входившей в составе Российской Федерации. В свою очередь грузинское национальное движение утверждало, что в Южной Осетии грузины подвергались дискриминации при поступлении на учебу и приеме на работу, а грузинский язык не допускался к использованию на гражданской службе. Движение призывало к отмене автономного статуса Южной Осетии, что было поддержано грузинским парламентом 11 декабря 1990 г. Вооруженный конфликт был приостановлен только в июне 1992 г..

Опасение, что грузинские националисты поставят под сомнение политические привилегии абхазов как титульной нации, послужило дополнительной причиной к их борьбе за равный с грузинским государством статус Абхазии.

В 1991 г. абхазское руководство приняло предложение только что избранного президента Грузии Звиада Гамсахурдиа о распределении мест между национальностями в абхазском парламенте по заранее установленным квотам. По правилам, согласованным к выборам осенью 1991 г., абхазам предоставлялось большее количество мест в законодательном органе, что соответствовало практике советского времени. Абхазия была разделена на 65 избирательных округов. За каждым из них было сохранено право одной из трех национальных групп - грузин, абхазов и «других». В результате абхазам удалось получить незначительное большинство в 33 места в сравнении с 31 местом, доставшимся грузинам, благодаря чему представители других национальностей блокировались с грузинами либо абхазами. Такое компромиссное решение оказалось неспособным урегулировать конфликт между двумя главными в Абхазии общинами.

Зимой 1991-92 гг. государственный переворот, направленный против Звиада Гамсахурдиа, привел к власти Военный Совет, который в марте 1992 г. был переименован в Государственный Совет, возглавленный Эдуардом Шеварднадзе. Этот Совет упразднил грузинскую конституцию 1978 г. и заменил ее досоветской конституцией 1921 г., в которой лишь упоминался автономный статус Абхазии, но не конкретизировались ни ее правовой статус, ни полномочия. Автономные образования не принимали участия в принятии этого решения. В качестве контрмеры абхазы восстановили проект конституции, подготовленной в 1925 г., но так и не принятой, которая провозглашала Абхазию суверенным государством. Она была одобрена абхазским парламентом незначительным большинством и шла вразрез с достигнутым с грузинскими властями компромиссом о большинстве в две трети, необходимом для изменения конституции. Утрата контроля над Абхазией создавала угрозу лидерству Шеварднадзе, который должен был противостоять еще и вооруженной оппозиции со стороны сторонников свергнутого президента Гамсахурдиа.

В августе 1992 г. грузинские войска вошли в Абхазию с официальной целью защитить железнодорожное сообщение вдоль черноморского побережья. Интервенция потерпела провал. Абхазские отряды отразили вторжение, получив неформальную поддержку от российских вооруженных сил и добровольцев из Северного Кавказа, главным образом чеченцев. Грузинские войска были вытеснены из Абхазии осенью 1993 г., а вслед за тем последовал быстрый исход более 200 тыс. человек, включая подавляющее большинство грузинского населения.

Начались переговоры о заключении мира при посредничестве ООН и содействии Российской Федерации. Вновь начались дискуссии о политическом статусе Абхазии. В отличие от лидеров Чечни и Нагорного Карабаха, абхазское руководство открыто не выступало за независимость. Оно придерживалось более умеренного подхода, предлагая установить конфедеративные связи с Грузией, которые подразумевали равное право на национальное самоопределение и суверенный статус. Грузинские власти отказались признать такой статус, т.к. он бы предполагал право Абхазии на сецессию. По мнению абхазского руководства, его отказ предоставить право на возвращение всему грузинскому населению, проживавшему прежде в Абхазии, был той ценой, которую грузинские власти должны были заплатить за их нежелание признать суверенитет Абхазии. В 1999 г. Абхазия провозгласила свою независимость. Ее не признало ни одно правительство в мире.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы изучить, насколько правильны мотивы, которыми обе стороны обосновывают вовлеченность в войну 1992-93 гг. и их претензии по поводу отделения Абхазии. Проблемы войны и независимости тесно взаимосвязаны. Война обычно рассматривается как поворотный пункт в истории грузино-абхазских отношений. С точки зрения грузин, их военное поражение было следствием российской поддержки сил абхазских сепаратистов. Грузино-абхазский конфликт и требование независимости со стороны абхазов воспринимаются, таким образом, как аспекты борьбы Грузии за освобождение от российского имперского правления. С точки зрения абхазов, победа их войск над обеими силами вторжения стала кульминацией их вековой борьбы против грузинской колонизации. После окончания

войны абхазские власти продолжали вести переговоры с твердым убеждением, что нет возможности вернуться к прежнему статус-кво. По их мнению, достигнутая военная победа должна завершиться международным признанием суверенитета и независимости Абхазии.

Тот факт, что проблемы войны и независимости тесно взаимосвязаны, вовсе не исключает возможности изучать их по отдельности. В данной статье обосновывается тезис о том, что когда отвергаются различные оправдания, представленные грузинами относительно их целей в войне, то тем самым не подтверждается правомерность притязания абхазов на независимость. В теории справедливой войны соотношение между войной и справедливостью определяется с помощью набора весьма разных критериев, касающихся моральных ограничений на начало военных действий (*jus ad bellum*) и на сами военные действия (*jus in bello*). Далее мы исследуем, как эти критерии можно использовать для того, чтобы установить, насколько морально оправдана односторонняя сецессия. В частности, мы применим эти критерии, анализируя войну 1992-93 гг., а также правомерность притязания Абхазии на признание ее независимости. Критерии *jus ad bellum* относительно правого дела, легитимности власти, добрых намерений, крайнего средства, соразмерности и вероятности успеха прежде всего получают другое истолкование для того, чтобы оценить правомерность независимости.

Структурное сходство морального анализа как применения силы, так и односторонней сецессии позволяет применить критерии, заимствованные у традиции справедливой войны, к случаям сецессии. Во-первых, оба этических подхода применяются к исключениям из общих правил. Одна из главных функций государства - защита его граждан путем сохранения мира внутри и за пределами страны. Ее предпочтительно осуществлять мирными средствами. Легитимное насилие с целью восстановления мира и справедливости составляет исключение из этого правила. Односторонние формы сецессии идут вразрез с принципом территориальной целостности государства и, соответственно, могут быть оправданы лишь вследствие применения

ясных принципов к исключительным обстоятельствам⁵. Во-вторых, использование силы и попытки отделения можно исследовать как односторонние действия с намерением навязать свою волю политическому противнику. В обоих случаях переговоры считаются нецелесообразными для предотвращения или устранения крайних форм несправедливости. Эти проявления структурного сходства между военными действиями и акциями, направленными на одностороннюю сецессию, позволяют понять, что односторонние акции с целью сецессии обычно сопровождаются применением силы.

Применение особой теоретической схемы для исследования этики войны и сецессии не строится на допущении о том, что стороны, вовлеченные в конфликт, придерживались ее принципов, принимая свои решения. Они, весьма вероятно, не считали, что моральные соображения вообще значимы в ситуации, когда на карту поставлено выживание их народа. Однако можно доказать, что они явно применяли каждый из описанных ниже принципов *jus ad bellum*, обосновывая правомерность применения силы или свою позицию относительно отделения Абхазии⁶.

Война и справедливость: грузинская точка зрения

В соответствии с теорией справедливой войны необходимо, чтобы каждый из ее принципов применялся в военной обстановке так, как будто все они не связаны между собой⁷. Война считается справедливой только в том случае, если соблюдены все принципы или существуют веские причины для того, чтобы считать недействительными некоторые из них. В иных случаях война должна рассматриваться как несправедливая. Наличие различия между принципами *jus ad bellum* и *jus in bello*

⁵ В данном контексте следует отличать одностороннюю сецессию и формы отделения по взаимной договоренности. Когда юридическая процедура сецессии согласована между правительством и сепаратистской партией, намного легче блюсти интересы всех сторон в соответствии с нормами справедливости.

⁶ В обоих случаях грузинские и абхазские лидеры утверждали, что они защищают правое дело, обладают легитимной властью, чтобы действовать, имеют добрые намерения, а их действия находятся в соответствии с принципами крайнего средства, соразмерности и вероятности успеха.

⁷ Фоушин Ник и Коппитерс Бруно. Заключительные замечания // Коппитерс Бруно, Фоушин Ник, Апресян Рубен (ред.). Нравственные ограничения войны: принципы и примеры (М.: Гардарики, 2002). С. 298-299.

предполагает, что войну можно считать справедливой с точки зрения одной совокупности принципов, но не другой. Анализ моральных аспектов производится последовательно: все исторические обстоятельства исследуются по очереди. Проверка на соответствие каждому принципу предполагает, что нам нужно сосредоточить внимание на одних обстоятельствах, оставив на время в стороне другие. Такая процедура, проведенная с учетом последовательности и контекста, позволяет придти к всеобъемлющей оценке, была или нет справедливой война. Поскольку справедливость и несправедливость - это проблема меры, нам тоже предстоит оценить меру справедливости каждой из воюющих сторон для того, чтобы осуществить дифференцированный анализ исторического и морального аспектов военного вторжения Грузии в Абхазию.

Исправлять или предотвращать несправедливость - убедительный мотив. Было ли столь же убедительно обосновано решение об отправке войск в Абхазию, принятое Президиумом Государственного Совета в августе 1992 г.? Грузинские власти убеждены в том, что оно было справедливо. Они оправдывали свою военную акцию необходимостью восстановить законность и порядок, а также нанести поражение военным силам, поддерживавшим свергнутого президента Звиада Гамсахурдиа⁸. Разрыв стратегически важного железнодорожного сообщения между Грузией, Россией и Арменией они посчитали достаточным основанием к использованию военной силы. По их мнению, его следовало рассматривать как полицейскую операцию на территории Грузии, а не начало войны. Переступив границу Абхазской Автономной Республики, грузинские войска заявляют, что они подверглись атаке со стороны военных сил Абхазии. С этого момента, как они утверждают, действия со стороны Грузии приняли оборонительный характер. Грузинские войска глубоко вторглись на территорию Абхазии, заняв ее столицу Сухум(и)⁹. С их точки зрения, это развертывание войск явилось законным ответом на

⁸ Об официальном оправдании грузинской военной интервенции в Абхазию см.: Zhorzholiani, Lekishvili, Toidze, Khoshtaria-Brosset. *Historic, Political and Legal Aspects of the Conflict in Abkhazia*. Op. cit. P. 36-38.

агрессию со стороны Абхазии и ее попытку нарушить территориальную целостность Республики Грузия.

Таким образом, грузинские власти выдвинули два разных «убедительных мотива» для оправдания военной интервенции. Хронологическая последовательность двух этапов особенно важна здесь. На первом этапе военные операции, как они заявляют, были напрямую связаны с нарушением законности и порядка на абхазской территории, а не с борьбой абхазов за отделение, тогда как на втором этапе вторжение носило чисто оборонительный характер. Можно усомниться в наличии исторических свидетельств, подтверждающих, что было явно два этапа интервенции, послуживших разными, как заявляется, убедительными мотивами к военной акции.

Надо признать, разрыв стратегических коммуникаций - серьезное нарушение законности. Но это не значит, что отправку войск в Абхазию можно считать законной мерой. Нарушение законности и порядка было характерно не только для Абхазии, но и для всей Грузии. Некоторые наблюдатели даже утверждают, что в самой Абхазии железная дорога была в полном порядке. Разрыв сообщения имел место только в грузинской области Мингрелии, граничащей с Абхазией¹⁰. Кроме того, последствия военных действий в случае эскалации внутреннего конфликта политического характера обретают такую остроту (учитывая количество потенциальных жертв и масштаб вероятных материальных потерь во время гражданской войны), что ни при каких обстоятельствах их нельзя оправдать разрушением железнодорожной системы. Весьма вероятно, такого же мнения придерживаются и грузинские власти, когда доказывают, что на первом этапе военное вторжение в Абхазию следует рассматривать не как начало войны, а как своего рода полицейскую операцию. По их мнению, война началась с абхазской атаки на грузинские войска. Однако такая интерпретация исторических событий, даже если ее принять за чистую монету, не оправдывает последовавшее размещение грузинских войск в Абхазии и оккупацию ее столицы

⁹ В текстах на английском языке грузины обычно пользуются транслитерацией «Сухуми», а абхазы опускают «и» и пишут «Сухум». Я упоминаю «Сухум(и)», чтобы не отдавать предпочтение ни грузинскому, ни абхазскому написанию.

Сухум(и). Как только стало ясно, что абхазское руководство посчитало военную интервенцию актом войны и использовало военную силу, чтобы отразить нападение, рассматривавшееся как вторжение, грузинским властям следовало отдать приказ о немедленном отводе своих войск. Атака абхазских сил могла рассматриваться грузинской стороной как неоправданная, но степень этой неоправданности не представляла достаточного мотива - иными словами, не создавала правого дела - для того, чтобы начать полномасштабную войну в Абхазии. Таким образом, можно сделать вывод, что грузинские власти действовали вопреки принципу правого дела, когда начали военные действия в августе 1992 г.

Добрые намерения - таков второй принцип, которому следует дать оценку. В какой мере грузинские власти на самом деле намеревались добиваться того, что они считали правым делом? Самое важное в проверке принципа добрых намерений - это историческое доказательство того, что действительно существовало преобладающее и подлинное намерение достижения правого дела. Даже в тех случаях, когда объективно нет правого дела для применения силы, остается вероятность существования намерения достичь победы в деле, которое считается правым и, может быть, оно-то и инициировало решение. В предшествующем анализе не рассматривались различные мотивы, которые могли бы побудить грузинские власти начать военные действия. Среди возможных намерений мы выделяем следующие:

1. Намерение обезопасить железнодорожное движение по абхазской территории;
2. Намерение ослабить звиадистские силы, находящиеся в Абхазии, и добиться решительной победы в гражданской войне между грузинскими кликами;
3. Намерение покончить с абхазским национализмом и тем самым пресечь на будущее любую попытку сецессии;
4. Намерение повысить законность нового правительства с помощью полномасштабной войны против абхазской общины.

¹⁰ Личное сообщение Джорджа Хьюитта от 7 ноября 2001 г.

Когда в научной литературе изучаются дискуссии, предшествовавшие решению Президиума Госсовета начать войну, то в интерпретации учитываются все четыре мотива. Однако есть затруднение с определением порядка их значимости. Нам также следует принять во внимание, что у членов Президиума имелись разные мотивы. Намерения Эдуарда Шеварднадзе и Тенгиза Китовани (руководителя полувоенной Национальной Гвардии и министра обороны в Президиуме Госсовета) не обязательно совпадали. Тем не менее, при проведении нормативного анализа необходимо отвлечься от этих несовпадений. Принцип добрых намерений относится к государственной власти, а не к отдельным личностям. Поэтому нам следует рассматривать Президиум как коллективного игрока.

Мы предлагаем следующее объяснение событий: как было показано выше, разрыв железнодорожного сообщения в Абхазии представлял серьезную угрозу для новых грузинских властей (намерение 1). Для обеспечения собственного выживания они должны были разгромить сторонников свергнутого президента Гамсахурдиа и добиться решительной победы в войне между грузинскими группировками (намерение 2). Но возможность одержать верх в этом внутриобщинном конфликте в то же время предоставляла им удобный случай достичь того же в межобщинном конфликте с абхазами. С тех пор, как новые грузинские власти стали во главе государства, им не удавалось остановить эскалацию политического конфликта между двумя главными общинами в Абхазии. С обеих сторон население начало вооружаться. Отправка грузинских вооруженных сил в Абхазию предоставляла бы удобный случай раз и навсегда решить вопрос о возможном отделении Абхазии (намерение 3). В мае 1991 г. за Гамсахурдиа проголосовало более 86% населения. Такой поддержкой он был обязан главным образом своей радикально-националистической риторике. Те, кто низвергли его силой, должны были проявить себя не меньшими «патриотами», чем был он. Война против Абхазии усилила бы поддержку новых властей со стороны грузинского населения (намерение 4).

Согласно официальной грузинской версии событий, у Президиума были «добрые намерения», когда принималось решение направить войска

в Абхазию. Выделение двух этапов в перерастании конфликта в войну (полицейская операция на первом этапе и оборонительная война против «воинствующего сепаратизма» на втором) предполагает наличие двух разных намерений, которые бы могли преобладать в разное время. При такой интерпретации дважды возникало бы объективно и правое дело, и субъективные добрые намерения. Однако нет убедительных исторических фактов, свидетельствующих о том, что действительно было два этапа эскалации, мотивированных совершенно разными намерениями. Это оправдание не принимается всерьез исторической литературой¹¹. Так что невозможно доказать, что у грузинских властей были добрые намерения.

Легитимность власти - третий принцип, нуждающийся в проверке. Обладал ли Президиум Государственного Совета моральным авторитетом для ведения войны? Возникновению подобного авторитета содействуют различные факторы, такие как путь, по которому новый режим пришел к власти, демократическая легитимность политического руководства и его приверженность нормам права и общему благу всего населения, проживающего на данной территории. Все эти четыре критерия, на которые ссылались грузинские власти, следует тщательно рассмотреть.

Свержению избранного президента Гамсахурдиа лидеры переворота находили оправдание, истолковывая его как восстание против несправедливого режима. После бегства Гамсахурдиа из Тбилиси 6 января 1992 г. они пригласили прежнего лидера Коммунистической партии Грузии и бывшего советского министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе вернуться на родину и возглавить новое правительство. Шеварднадзе приехал из Москвы в Тбилиси в марте 1992 г.. Они понимали, что в тех обстоятельствах он был единственным человеком,

¹¹ Иное историческое истолкование намерений грузинских властей можно найти у Гиа Нодиа, см.: Нодиа Гиа. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Коппирерс, Нодиа, Анчабадзе. Указ. соч. С. 47-49. Его интерпретация основана на различии намерений Шеварднадзе и командиров полувоенных формирований. Он считает намерения Шеварднадзе субъективно правыми. Истолкование Нодиа не противоречит представленному в данной главе. Когда я проверяю реализацию принципа добрых намерений, то абстрагируюсь от упомянутого различия, анализируя грузинскую военную политику как действие коллективного игрока. Различие между игроками из Президиума Государственного Совета проведено при проверке принципа легитимности власти.

способным восстановить доверие к новому руководству Грузии у общественного мнения как внутри страны, так и за ее пределами. Этот расчет оправдался. Западные правительства, отказывавшиеся установить дипломатические отношения с Грузией, пока существовал Советский Союз и Гамсахурдиа был у власти, быстро оказали полную поддержку человеку, которого считали одним из главных архитекторов мирной перестройки Европы. Они ожидали, что Шеварднадзе окажет умиротворяющее влияние на грузинский национализм. Более того, они были готовы закрыть глаза на тот факт, что Шеварднадзе был вынужден вступить в союз полувоенными кругами, замешанными в уголовных деяниях, о чем было широко известно. Международное сообщество было убеждено в том, что Шеварднадзе способен осуществить меры по стабилизации и демократизации. В июле 1992 г. Грузия была принята в качестве полноправного члена в ООН. Можно сделать вывод о том, что в августе 1992 г. новый грузинский режим не отвечал формальным критериям демократического правления, сильно зависел от поддержки военизированных кругов, не обладавших демократической легитимностью, но руководство Шеварднадзе лично, казалось, давало реальный шанс на демократизацию режима и восстановление законности¹².

Больше сомнений, однако, вызвала приверженность нового грузинского правительства общему благу всего населения, проживавшего на его территории. В советский период Шеварднадзе удалось укрепить привилегии и главенствующее положение грузинской титульной нации в многонациональной стране. Тем не менее, тогда он противостоял радикальному национализму коммунистических диссидентов, таких, как Гамсахурдиа. После возвращения в Тбилиси Шеварднадзе добился соглашения с властями Южной Осетии о прекращении огня. Но он оказался в полной зависимости от радикальных националистических сил, когда начал и стал вести войну в Абхазии. Она подорвала моральный авторитет его правительства. Сам Шеварднадзе вместе с другими признал, что, развернув войска в Абхазии и заняв ее столицу, Китовани

¹² Демократические выборы в Грузии произошли 11 октября 1992 г.

нарушил приказ защищать только железнодорожную линию. Шеварднадзе, по-видимому, чувствовал себя обязанным поддержать войну и формально санкционировать ее, а не выступать открыто против нее. Если бы он ушел из правительства, то, как явствует из довода в его защиту, столкнулся бы с риском полного распада грузинского государства. В таком истолковании нелегитимная государственная власть предпочтительнее безвластия. Этот выбор поддается оправданию. Возможно, Шеварднадзе делал свой выбор ответственно, поскольку трудно предвидеть, к каким последствиям привела бы его отставка. Авторы грузинских публикациях, критически настроенные к политике, проводимой в Абхазии, расходятся во мнении о том, какое решение должен был тогда принять Шеварднадзе¹³. Но этот трудный моральный выбор также служит полным подтверждением отсутствия легитимного авторитета в момент, когда в Грузии принималось решение о применении силы.

По заявлению Шеварднадзе, перед началом войны он сообщил по телефону абхазскому лидеру Владиславу Ардзинбе о своем намерении развернуть грузинские силы вдоль абхазских железных дорог. Это заявление свидетельствовало бы о том, что он считается с вертикальным распределением полномочий между центральной и местной властями. Но абхазские власти категорически отрицали, что Ардзинба вообще мог одобрить такое размещение войск, и, действительно, его одобрение было бы весьма удивительным. Вторжение грузинских вооруженных сил в край, где годами обострялся политический конфликт между абхазской и грузинской общиной, совершенно очевидно, воспринималось бы

¹³ Еще в августе 1992 г. Наира Гелашвили отстаивала точку зрения, согласно которой Шеварднадзе следовало подать в отставку, чтобы не брать на себя формальную ответственность за развязывание гражданской войны в Абхазии: «Еще в Тбилиси 19 августа меня вызвали к Шеварднадзе. Он был глубоко потрясен неожиданным поражением. Я поняла, как трудно сказать ему, что я думала - ему нужно подать в отставку, иначе он понесет формальную ответственность за кровопролитие и хаос. Если бы он ушел в отставку, министр обороны и Китовани понесли бы эту ответственность, что могло обуздать их. Мне было принципиально важно, чтобы он был избавлен от бремени ответственности за смерть столь многих людей.» Gelaschwili. *Op. cit.* P. 163. Гиа Нодиа, напротив, считает, что решение об отставке в тот момент было бы «крайне безответственно». Нодиа *Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства* // Коппитерс, Нодиа, Анчабадзе. Указ. соч. С. 48. Об анализе Нодии см. также мою работу: *Оттенки серого. намерения, мотивы и моральная*

абхазской стороной как серьезная угроза. Но даже если Шеварднадзе говорил правду и действительно стал жертвой абхазской «провокации», размещение грузинских войск по всей территории Абхазии не имело бы оправдания. Как говорилось выше, вместо того, чтобы развязать гражданскую войну с абхазами, грузинским войскам по долгу службы следовало отступить после первых стычек. Более того, термин «провокация» абсолютно не подходит для оправдания действий правительства суверенного государства. У насильников принято объяснять и оправдывать их поведение тем, что оно явилось непреодолимой реакцией на «провокацию», но этого нельзя ожидать от правительств. Для того, чтобы претендовать на легитимность власти, правительство должно быть способно на самоограничение в применении силы. Неспособность поступать так служит новым свидетельством в пользу того, что грузинские власти оказались не в состоянии соблюсти принцип легитимности власти.

Согласно принципу крайнего средства, применение силы морально оправдано лишь при условии, что были предприняты все разумные меры, чтобы избежать военного столкновения. Это условие также не было выполнено. В 1991 г. правительство Гамсахурдиа предприняло попытку уклониться от конфронтации, договорившись о компромиссном решении по поводу этнического состава абхазского парламента. Неспособность обеих общин поделить власть в значительной степени была обусловлена нежеланием абхазских властей либо допустить участие грузинской общины в управлении Автономной Республикой либо соблюдать соглашение о том, что ни одно важное изменение в абхазскую конституцию нельзя внести без парламентского большинства в две трети голосов. Нежелание абхазской стороны связывать себя обязательством разделить власть с грузинской общиной, а также неисполнение заключенного соглашения не исключают возможности для грузинских властей предпринять попытки прийти к компромиссному соглашению. До прихода грузинских войск абхазский парламент собирался обсудить предложение о распределении полномочий между Грузией и Абхазией по

ответственность в грузино-абхазском конфликте // Коппитерс, Нодиа, Анчабадзе. Указ. соч. С. 177-185.

конфедеративной модели. Очевидно, такое предложение было бы неприемлемо для грузинских властей. В его основе лежало международное признание суверенитета и государственности Абхазии, причем не учитывались интересы других народностей, в особенности, проживавших там грузин. Но оно могло бы стать одним из документов, представленных для обсуждения. Вероятно, потребовалось бы время на переговоры с целью достичь положительные результаты, но наличие немалых препятствий не оправдывает грузинских властей за отсутствие стремления к мирному разрешению конфликта. Грузинские власти не приняли всерьез принцип крайнего средства. Их нежелание идти на компромисс отчетливо продемонстрировал Шеварднадзе во время войны, когда заявил в обращении к грузинскому парламенту в ноябре 1992 г., что избирательный закон, обсуждавшийся на переговорах с его предшественником, по которому вводились этнические квоты для депутатов абхазского парламента, следовало рассматривать как форму «апартеида de jure» и «установление этнодиктатуры»¹⁴.

Согласно принципу соразмерности, ожидаемые издержки от ведения войны должны быть пропорциональны вероятным выгодам от победы правого дела. Никаких таких выгод нельзя было ожидать от войны в Абхазии. Начнем с того, что у грузинских властей не было правого дела, которое оправдывало бы высокие издержки от вооруженной конфронтации. Конечно, грузинские власти могли рассчитывать на то, что присутствие их войск поможет изгнать силы звиадистов из Абхазии. Но таких выгод было далеко не достаточно, чтобы соответствовать принципу соразмерности. Более того, сопоставимых выгод при намного меньших издержках можно было ожидать, запросив у России военную поддержку против звиадистов. Во время короткого срока пребывания Звиада Гамсахурдиа в должности президента его политика легла тяжелым бременем на плечи московских властей, которые были очень заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать его возвращению к власти. Разумеется, грузинским властям пришлось бы пойти на компромиссы с далеко идущими последствиями, например, согласившись

¹⁴ См.: Chervonnaya. Op. cit. P. 91. Также см.: Коппитерс Бруно. Федерализм и конфликт на Кавказе. Указ. соч.

на военное присутствие России на грузинской территории и членство в СНГ, но эти компромиссы стоили бы меньших издержек, чем последствия прогнозируемой войны против Абхазии. Налаженное сотрудничество с Москвой к тому же дало бы надежду на более беспристрастную позицию России в грузино-абхазском конфликте. Правда, компромиссные решения такого рода идут вразрез с принципами грузинского национализма, преследующего цель освобождения от российского господства. Однако Грузия оказалась в такой сложной ситуации после поражения в Абхазии в октябре 1993 г., что была вынуждена пойти на все вышеупомянутые компромиссы ради того, чтобы заручиться поддержкой России против отрядов звиадистов, создавших угрозу для стратегически важного города Кутаиси. Она была отражена с помощью русских, но Грузии пришлось пойти на уступки на куда менее выгодных условиях, чем в 1992 г. Вероятно, войны удалось бы избежать, пойдя она раньше на те или иные компромиссы.

Вероятность успеха - последний из касающихся Грузии принципов оценки *jus ad bellum*. Этот, как и предшествующий, принцип касается последствий вступления в войну и потому преимущественно сопряжен с благоразумием. Была ли велика вероятность, что грузинские власти лишатся военного превосходства, и, следовательно, для них благоразумнее воздержаться от применения силы? И в самом деле, морально неоправданно начать войну, если нет реального шанса победить. В свое время подобная вероятность была отвергнута грузинскими властями. Они были убеждены, что абсолютное превосходство в численности грузин над абхазами исключало всякую вероятность поражения. В этом расчете не учитывались неподготовленность грузинских войск и возможность поддержки абхазского дела со стороны негрузинского населения Абхазии, Северного Кавказа и российских вооруженных сил, расквартированных в регионе. Недопонимание взаимосвязи военного и политического аспектов в расстановке сил означает, что грузинские власти были столь же неспособны соблюдать моральный принцип вероятности успеха, как и любой из принципов *jus ad bellum*.

Во время войны 1992-93 гг. грузинская сторона также не сумела соблюсти два принципа *jus in bello* - соразмерности и различия. Принцип соразмерности имеет отношение к моральным издержкам и выгодам от проведения военных операций. Из-за неподготовленности к ним и отсутствия координации грузинские войска вели боевые действия, закончившиеся чрезмерно большими людскими потерями с обеих сторон и разрушениями¹⁵. Не соблюли они и принцип различия между комбатантами и некомбатантами, что установлено миссией экспертов ООН в конце войны¹⁶. Грузинские войска творили зверства даже в отношении мирного населения своей же национальности.

Война и справедливость: абхазская точка зрения

Если одна из воюющих сторон не ведет «справедливой войны», данный факт не означает, что войну, ведущуюся другой стороной, следует считать справедливой. И в этом случае нужно по отдельности каждый из принципов *jus ad bellum* и *jus in bello* применить к обстоятельства ведения войны прежде чем вынести окончательное суждение. Оборона территории и ее населения от иностранной агрессии представляет собой классический пример правого дела. Но понятие территории традиционно понимается как относящееся к суверенному государству. Что касается грузинской военной интервенции, то переход через границу Абхазии нельзя рассматривать как «иностранную» агрессию или нарушение принципа территориального суверенитета, коль скоро она была автономной республикой, входившей в состав Грузии. Кроме того, грузинская интервенция была вмешательством федеральных властей во внутривнутриполитический конфликт между двумя главными национальными общинами федеративного государства Абхазии, вмешательством с позиций грузинской общины. Грузинскую

¹⁵ См.: Billingsley Dodge, *Military Aspects of the War: the Turning Point* // Hewitt (ed.). Op. cit. P. 147-156.

¹⁶ См.: the Report of the Secretary-General's Fact-Finding Mission to Investigate Human Rights Violations in Abkhazia, Republic of Georgia. UN Document S/26795, 17 November 1993. В докладе миссии, посетившей регион 22-30 октября 1993 г., перечислены следующие нарушения прав человека с обеих сторон - казни без суда и следствия; пытки

интервенцию, осуществленную посредством военизированных формирований, однако, можно было считать прямой угрозой выживанию абхазской общины. В этом смысле этический принцип правого дела вполне применим, хотя понятие политического сообщества не тождественно суверенному государству. И ничего не меняет тот факт, что политическое сообщество определялось в этнических, а не гражданских или территориальных терминах.

Можно считать, что абхазская сторона соблюла и принцип соразмерности. В условиях гражданской войны у маленького абхазской общины были серьезные причины для того, чтобы испытывать страх за свое выживание, и это оправдывает издержки на вооруженный отпор.

Что касается принципа вероятности успеха, то обе стороны были совершенно не подготовлены к войне в организационном плане. Абхазы не сумели ранее августа 1992 г. оценить масштаб поддержки, которую они получили от российских вооруженных сил и объединенных полувоенных формирований из Северного Кавказа.

В этом контексте куда большее сомнение вызывало применение принципа крайнего средства, столь же важного, как и три предыдущих принципа, для моральной оценки военной политики абхазских властей. Столкнувшись с грузинской интервенцией, абхазская сторона не имела возможности вступить в политические переговоры с Тбилиси. С этой точки зрения, она соблюла принцип крайнего средства. Но тогда нужно добавить, что прежде абхазские власти не сделали серьезной попытки смягчить конфликт. Совсем напротив - в одностороннем порядке они провели ряд конституционных реформ, которые формально шли вразрез с существующими конституционными процедурами и осуществлены без политического участия большого грузинской общины. Эти мероприятия абхазов зеркально отражали грузинскую политику конституционных изменений в одностороннем порядке, что шло вразрез с федеративным разделением власти между центром и автономными федеративными образованиями и проводилось без участия всех других меньшинств. Поэтому можно сказать, что при перерастании политического конфликта

и жестокое обращение, включая изнасилование; пограбление прав собственности, в том числе ограбление и поджог домов и квартир; насильственная депортация.

в военной обе стороны нарушили принцип крайнего средства, коль скоро не сделали ни одной серьезной попытки (избирательный закон 1991 г. - единственное исключение) устранить политические разногласия посредством договора или компромисса. Но это не значит, что абхазская и грузинская стороны в одинаковой мере ответственны за гражданскую войну, начатую в августе 1992 г.. В данном случае необходим более тонкий анализ различий. Грузинское руководство несет всю полноту ответственности за начало боевых действий, поскольку не оставило абхазскому руководству иного разумного выбора, кроме вооруженной самообороны.

Намерение абхазов защитить свою общину и повысить политический статус, обретенный в советское время, сыграло решающую роль, когда ими принималось решение отразить силой грузинскую интервенцию. Оно связано, как уже было установлено, с их борьбой за правое дело, правом на самооборону против агрессии и, следовательно, может считаться справедливым. Однако позволительно задаться вопросом, не было ли тут других намерений, которые шли дальше цели самообороны, и были не связаны с достижением правого дела. Можно также поставить вопрос о том, не были ли подобные намерения более весомыми, нежели дело самообороны, которые шли бы вразрез с принципом добрых намерений. Следует рассмотреть три намерения в решении абхазов применить силу для самообороны:

1. намерение защитить абхазскую общину от угрозы ее существованию и утраты политических и социальных прав;
2. намерение усилить легитимность абхазских властей у абхазов и негрузинской части населения за счет военной мобилизации в соответствии с представлением военного историка XIX в. Генриха фон Трейчке, согласно которой именно война «превращает народ в нацию»¹⁷;
3. намерение достичь статуса суверенного и даже независимого государства путем применения силы.

¹⁷ Приводится в: Grant Susan-Mary. Making History: Myth and the Construction of American Nationhood // Schopflin George and Hosking Geoffrey (eds). Myths and Nationhood. London: C. Hurst and Company, 1997. P. 101.

Моральная легитимность первого намерения уже была рассмотрена. Оно заключалось в том, чтобы бороться за дело, которое можно считать правым. Тем не менее, нельзя отвергать и цели усиления легитимности правительства или обретения суверенного статуса с помощью войны. Власти успешно использовали мобилизацию народа на самооборону в качестве средства достижения обеих целей. Это шло бы вразрез с принципом добрых намерений, если можно было бы доказать, что они имели большее значение, чем намерение защитить абхазскую общину. Такое обвинение выдвигалось Шеварднадзе, когда он осудил абхазские власти за «агрессивный сепаратизм». Однако для такого обвинения нет исторических свидетельств. Абхазские власти обладали законным правом на применение силы для самообороны, и нельзя доказать, что этот мотив был всего лишь второстепенным. Не только возможно, но даже весьма вероятно, что все три намерения составляли предмет дискуссий о применении силы с абхазской стороны, но поскольку первое из них преобладало при принятии решения о мобилизации вооруженных сил, то можно признать, что был соблюден принцип добрых намерений.

Допустим вывод о том, что грузинские власти оказались неспособны соблюсти ни один из принципов справедливой войны, тогда как абхазские власти в значительной степени нарушили принципы крайнего средства и легитимности самой власти. Столкнувшись с угрозой военной оккупации грузинскими полувоенными формированиями, они должны были, не имея никакой иной приемлемой альтернативы, защищать свою общину военными средствами. Но анализ процесса эскалации, приведшего к войне, также показывает, что абхазские власти не сумели предпринять все меры, необходимые для того, чтобы избежать применения силы. Абхазское правительство никогда не проводило политики, выходящей за рамки этнического антагонизма в отношении грузинского населения. Другие национальности в лучшем случае рассматривались как союзники в борьбе с грузинскими оккупантами. Национальный проект абхазов не содержал понимания государственности, которая отвечала бы интересам всех жителей республики. Это непосредственно сказывается на оценке их нынешних притязаний на суверенитет и независимость.

Притязание абхазов на независимость.

Необходимо придать новое толкование нескольким принципам справедливой войны для того, чтобы сделать их применимыми к сецессионистским конфликтам и притязаниям на независимость. В этом моральном контексте принцип правого дела означает, что односторонняя сецессия является необходимым средством исправления или предотвращения жестокой несправедливости. Таковой может быть отказ в праве на национальное самоопределение как следствие военного захвата, колонизации, угнетения или эксплуатации. В этом случае уважение к принципу крайнего средства подразумевает отсутствие любой из возможных альтернатив - прав меньшинств, федерализма или возможности достичь независимости на основе взаимно согласованных процедур. Применение принципа легитимности власти требует от отделяющегося государства, чтобы оно подтвердило принцип народного представительства, власти закона, демократичности и прав меньшинства. В данном случае принцип добрых намерений предписывает необходимость устранения жестокой несправедливости в качестве главного мотива в принятии решения об односторонней сецессии. В соответствии с принципом соразмерности общие издержки на осуществление односторонней сецессии не должны превышать ожидаемых от нее выгод. При применении принципа вероятности успеха необходимо оценить, насколько обосновано ожидание отделяющегося государства на его международное признание.

Абхазские власти выдвинули несколько доводов в поддержку притязания на суверенитет и равный с Грузией статус в рамках конфедерации, а также требования независимости (с 1999 г.)¹⁸. Они утверждают, что *de facto* Абхазия обладает тремя главными признаками государственности - более или менее четко определенной территорией,

¹⁸ Изложенные далее взгляды абхазов и грузин по большей части основаны на выступлениях членов правительственных делегаций Грузии и Абхазии, которые сделаны на семинаре: «Государственно-правовые аспекты урегулирования грузино-абхазского конфликта». Семинар, организованный Венецианской Комиссией Совета Европы,

постоянно проживающем на ней населением и стабильным режимом правления. По их мнению, в дискуссии о признании Абхазии не затрагивается вопрос о ее существовании в качестве государства. Нормативная дискуссия о государственности Абхазии, следовательно, должна ограничиваться со стороны международного сообщества правовым и моральным обязательством признать легитимность ее притязаний. В этой связи уместно заметить, что все доводы абхазских властей в поддержку их притязаний так или иначе сопряжены с одним из традиционных принципов справедливой войны. Отсюда не следует, что все они имеют отношение к опыту ведения войны. Так обстоит дело, к примеру, с историческими аргументами в пользу соответствия принципам правого дела или легитимности власти.

Если грузины утверждают, что Абхазия всегда была частью грузинского политического пространства, то абхазские историки выдвигают контраргумент: их страна имела статус государства на протяжении 1200 лет¹⁹. После того, как царский режим присоединил Абхазию к Грузии, последняя, заявляют они, подвергла их страну насильственной колонизации. Кроме того, они оспаривают точку зрения, согласно которой Абхазии не удалось обрести независимость в период после распада царской империи и до установления советской власти в этом регионе. Они акцентируют внимание на неоднократных попытках, предпринятых абхазскими национальными движениями с целью освободиться от Грузии. Более того, они считают в корне несправедливой советскую федеративную политику, подчинившую Абхазию Грузии. Тот факт, что эту политику проводил Сталин, грузин по национальности, по их мнению, служит подтверждением ее соответствия имперским интересам Грузии. Абхазские историки критикуют позицию международного сообщества относительно Советской конституции, по которой только союзные республики имеют право на отделение. На их взгляд, в конце 90-х гг. XX в. попытки реформировать Советское федеративное государство делались с учетом тогдашнего Закона «О

проведен в Пицунде (Абхазия) 12-13 февраля 2001 г. Я участвовал в нем в качестве эксперта Венецианской Комиссии.

процедуре решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из Союза Советских Социалистических Республик (СССР)», что предоставляло возможность населению автономных республик и других автономных образований «самостоятельно решать вопрос о том, оставаться ли им в составе СССР или отделяющейся союзной республики, а также самостоятельно ставить вопрос о своем юридическом статусе как государства»²⁰. По абхазской версии, односторонний выход Грузинской ССР из состава Советского Союза предоставлял Абхазии такую возможность. Абхазский народ, утверждают они, сделал выбор в пользу суверенитета и права на сепессию. Грузинская военная интервенция, совершенная в августе 1992 г., по их мнению, представляла собой попытку ликвидировать эти достижения. В таком изложении доводы об истории абхазской независимой государственности и советской федеративной системе согласуются с принципом легитимности власти, а ссылки на прежние несправедливости вроде колонизации и угнетения со стороны имперской власти соответствуют принципу правого дела.

Такая интерпретация абхазской политической истории ставится под сомнение грузинскими авторами. Те, кто пишет на эту тему, также пользуются историческими аргументами, которые не противоречат принципам правого дела и легитимности власти. Никогда, утверждают они, не обладала Абхазия статусом государства, независимого от грузинского политического пространства. Они отрицают грузинскую колонизацию абхазского края, рассматривая собственное присутствие там либо исконным либо естественным следствием миграции. Они не опровергают тот факт, что с абхазами поступали несправедливо в новое время, но считают аналогичным обращение с грузинами. Несправедливости творили не грузины, а царская и советская власти. На их взгляд, подчинение Абхазии Грузии в рамках советской конституционной системы было оправдано, поскольку в любом случае

¹⁹ Чирикба Вячеслав. Грузия и Абхазия: предложения к конституционной модели // Коппигерс, Дарчиашвили, Акаба. Указ. соч. С. 395.

²⁰ Статья 3 Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзных республик из СССР», опубликованного в «Известиях» 6 апреля 1990 г. Закон подписан Президентом СССР Михаилом Горбачевым 3 апреля 1990 г.

Абхазия никогда не обрела бы собственной государственности, а значит, ее зависимость не противоречит ходу истории. Кроме того, они отрицают конституционность принятого в апреле 1990 г. советского закона об отделении, который предоставлял автономным образованиям Грузии и других союзных республик право самостоятельно определять их международный статус. Этот закон предназначался для того, чтобы предотвратить сецессию союзных республик, т.к. реализация такого конституционного права теперь грозила вызвать распад их собственных государств.

В этих противоречащих друг другу версиях событий история использована для того, чтобы отстаивать специфические политические цели. Трудно обосновать тот или иной политический выбор, например, признание государств, с помощью такого рода знания. Исторические несправедливости бесспорно нужно принимать во внимание при обсуждении несовместимых притязаний, но история народов всегда открыта для противоречивого истолкования. Нельзя ожидать, что одна единственная версия событий станет ориентиром к политическому акту международного признания. В случаях распада федераций, например, Советского Союза или Югославии, международное признание было получено в значительной степени на основе интерпретации их конституций. Это делалось по необходимости, независимо от исторического происхождения и моральной легитимности советской и югославской конституций. Это не значит, что юридическая дискуссия о сецессии должна быть целиком и полностью подчинена фактически существующим конституционным нормам. Далее мы рассмотрим оба притязания с точки зрения политической этики и применим несколько критериев, заимствованных из теории справедливой войны, к этике сецессии.

Выше уже было показано, что в абхазской и грузинской исторических версиях событий косвенно использованы принципы правого дела и легитимности власти. Можно было также доказать, что в них применялись еще и другие принципы *jus ad bellum* - соразмерность, вероятность успеха, крайнее средство и добрые намерения, для того, чтобы сформулировать доводы в пользу или же против права Абхазии на

сецессию. Такие критерии нужно уточнить и дать им новое определение со следующей целью: принцип правого дела в данном контексте предписывает предотвращение жестоких форм несправедливости. В особенности это относится к опасности повторного вооруженного вторжения Грузии в Абхазию, как это было в августе 1992 г.. Но одностороннюю декларацию независимости, которая, будучи односторонней акцией, создает новые формы конфликта и несправедливости (наносящие вред меньшинствам, оставшейся части государства и международному сообществу) можно лишь использовать как крайнее средство разрешения проблемы. Далее будут представлены доводы в пользу федеративного соглашения как предпочтительного решения. Одностороннюю декларацию независимости можно рассматривать в качестве справедливого средства реализации правого дела только когда нет приемлемой альтернативы. Абхазские власти, кажется, соглашались с этим доводом в прошлом, откладывая решение объявить независимость в одностороннем порядке вплоть до 1999 г.. Тогда они утверждали, что их прежние предложения о конфедеративном соглашении не были приняты всерьез грузинским правительством, и они все еще ждали ответа²¹.

Среди различных альтернатив у федеративной модели есть ряд преимуществ. Облегчилось бы согласование соперничающих претензий на самоопределение двух главных в Абхазии сообществ. Демократические федерации в состоянии не допустить тот тип подчинения федеративных образований центру, который был распространен в Советском Союзе. Кроме того, при федеративном порядке была бы признана легитимной необходимостью для международного сообщества применять ограничительный подход к вопросу о признании статуса суверенитета в целях сохранения его эффективности в качестве краеугольного камня в международном порядке. В рамках федеративной модели к тому же можно было бы предусмотреть надежные международные гарантии мирного сосуществования грузинского и абхазского сообществ. Такие гарантии

²¹ Интервью с министром иностранных дел Абхазии Сергеем Шамбой 9 ноября 2000 г.

безопасности не обязательно были бы столь же широкими, как предоставляет институт международного суверенитета, но их хватило бы для того, чтобы не повторилась интервенция 1992 г. Посредством федерализации компетенции в иностранных делах в рамках Объединенного Государства Грузии и Абхазии Сухум(и) обрел бы компетенцию во внутренних делах на международной арене в качестве субъекта международного права. Его ограниченная международная правосубъектность и полномочия по заключению договоров, воплощенные в конституции, тем не менее, должны были бы быть признаны международным сообществом²².

Окажись федеративное устройство неспособным разрешить национальный конфликт между грузинами и абхазами, оно все же принесло бы пользу в нормализации их отношений мирным путем. Федерацию следует рассматривать как открытую систему, открытую к преобразованию, в рамках которой установление конфедеративных отношений между федеративными образованиями и даже полной независимости может стать законным итогом, если созданы процедуры, приемлемые для всех сторон. Федеративное соглашение или мирное урегулирование, в котором а priori не исключено право выбора сецессии, а она регламентирована общими правилами, увеличивает его демократическую легитимность для всех заинтересованных сторон. О возможности совместного принятия конституционных процедур для осуществления сецессии как теми, кто стремится к ней, так и теми, кто выступает против нее, свидетельствовали одинаково положительные отклики про- и антисепаратистских движений на Соглашение Великой Пятницы (Good Friday Agreement) в Северной Ирландии (апрель 1998 г.)²³

²² Федерализация внешнеполитических связей: обсуждение альтернатив грузино-абхазскому конфликту // Александр Кухианидзе (ред.), Семинар экспертов Грузии, Федерализм и разграничение полномочий в Абхазии, CIPDD, 2002, http://www.cipdd.org/index.php?lang_id=ENG&sec_id=30&info_id=23. О преимуществе нормативного подхода см.: Бруно Коппитерс. Этнофедерализм и политика в области строительства гражданского государства. Идея общего государства // Коппитерс Бруно, Дарчиашвили Давид, Акаба Нателла. Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. М.: Весь Мир, 1999. С. 324-351.

²³ Соглашением Великой Пятницы признано: «законность любого выбора, который свободно реализует большинство народа Северной Ирландии относительно ее статуса, независимо от того, предпочитает ли он продлить союз с Великобританией или

и на заключение Верховного суда Канады по вопросу об отделении Квебека (август 1998 г.)²⁴.

Сделанный выше анализ событий, приведших к войне 1992 г., показал, что абхазские власти действовали вопреки принципу крайнего средства. Ни до, ни после войны они не ставили вопросов о международных гарантиях, разделе полномочий или правах меньшинства в рамках федеративной структуры²⁵. Правда, и грузинские власти хранили молчание по их поводу вопреки объявленной ими готовности создать грузино-абхазскую федерацию. Их предложения сводились к распределению компетенции между Грузией и Абхазией, оставляя открытым вопрос о том, в какой мере абхазы будут участвовать в управлении собственной страны. Не касались грузинские предложения и принципиальных проблем, таких как потенциальные конфликты между федеральными институтами по поводу сфер их компетенции или ключевой вопрос о том, каким образом исключить возможность военного вмешательства федерального правительства в политический конфликт между национальными общинами Абхазии. Зашедшие в тупик переговоры привели к ситуации, когда каждая из сторон дает свое истолкование принципу крайнего средства. Каждая указывает на нежелание другой стороны идти на компромисс с тем, чтобы продвинуться на пути к окончательному решению. Шеварднадзе неоднократно призывал к мирному урегулированию посредством военного принуждения со стороны России или НАТО. По мнению Тамаза Надарейшвили, грузинского председателя так называемого «парламента в изгнании», против отделившегося государства нужно применить силу при поддержке извне или без нее. Абхазское руководство также заявило о безрезультатности переговоров о политическом статусе и,

выскажется за суверенную объединенную Ирландию». Полный текст соглашения можно найти: http://www.irelandstory.com/today/good_friday/full_text.html.

²⁴ По заключению Верховного Суда Канады, изложенному в августе 1998 г., у Квебека нет права по международному праву или по конституции Канады на одностороннее отделение. Явное большинство населения Квебека, высказавшись за сецессию, при определенных условиях - к примеру, на референдуме, отвечая на четкий и недвусмысленный вопрос, тем не менее, обязывает федеральное правительство провести переговоры об отделении Квебека.

²⁵ Альтернативные предложения разработаны такими абхазскими учеными, как Вячеслав Чирикба. См.: Чирикба Вячеслав. Указ. соч. С. 387-435.

соответственно, необходимости принять решение об односторонней сецессии Абхазии в качестве крайнего средства. Поскольку ни абхазские, ни грузинские власти явно не проявляют желание найти компромисс или разработать реальные планы урегулирования конфликта, их решения о крайнем средстве нельзя считать легитимными.

Претензии абхазских властей на то, что у них есть законное право на объявление односторонней сецессии, свойствен серьезный изъян. Реализуемый ими принцип национального самоопределения ограничен абхазской «титульной нацией». Русские и армяне рассматриваются исключительно как пассивные сторонники абхазского руководства. Не существует проекта включения многочисленного грузинского населения в будущую жизнь Абхазии. Кроме того, отношение к их присутствию главным образом как к следствию колонизации еще более затрудняет выработку содержательной политики по созданию государства. Самую большую трудность для абхазских властей представляет согласование их политики с международными нормами прав человека. Возвращение беженцев рассматривается в качестве серьезной угрозы политическим привилегиям абхазской титульной нации, и только меньшинству - главным образом жителям Гальского района - позволено вернуться домой. Отсутствие надежд на возвращение беженцев привело к осуждению абхазских властей за этническую чистку в итоговых документах встреч в верхах участников Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)²⁶. Делались некоторые попытки поспособствовать развитию мингрельской культуры грузинского населения района Гали: к примеру, летом 1995 г. при поддержке абхазских властей издавалась газета на мингрельском языке²⁷. Подобные попытки расширить взгляд на абхазское гражданство, поощряя культурную самобытность местного населения, однако, принимались без особого энтузиазма и не привели к росту политической лояльности к абхазским властям со стороны мингрел.

²⁶ Итоговые заявления встреч в верхах ОБСЕ в декабре 1994 г. (Будапешт), в декабре 1996 г. (Лиссабон) и ноябре 1999 г. (Стамбул) можно найти на сайте ОБСЕ <http://www.osce.org/>

²⁷ См.: Hewitt George. Abkhazia, Georgia and the Circassians (NW Caucasus) // Central Asian Survey. Vol. 18. No. 4. 1999. P. 477.

По конституции Абхазии суверенитет принадлежит народу, живущему на ее территории.²⁸ В понятии народного суверенитета не содержится различий между этническими группами. Однако вопреки этому положению конституции в октябре 1999 г. абхазские власти провели референдум о независимости, результаты которого не учитывали ту часть населения, которая была вынуждена бежать из-за войны. Более того, во время предшествовавшего референдуму обсуждения отсутствовала возможность для проявления плюрализма во мнениях или открытой полемики. Напрашивается вывод о том, что принципы народного представительства, власти закона, демократизма и прав меньшинств не соблюдались при одностороннем объявлении независимости Абхазии.

Отсутствие надежды на интеграцию национальных меньшинств также имеет первейшее значение для проверки принципа соразмерности. По мнению абхазских властей, международное признание независимости их государства расширило бы возможности возвращения беженцев. Они считают, что массовое возвращение беженцев представляло бы теперь опасность, тогда как признание в принципе дало бы достаточные гарантии безопасности Абхазии для того, чтобы она разрешила им вернуться. Этот довод также имеет серьезный недостаток. Не ясно, каким образом независимость содействовала бы участие большей части грузинского населения в политической жизни Абхазии. Проблема разделения власти столь же остра в суверенном государстве, как и в федеративном. Следовательно, там, где есть проблема сосуществования нескольких общин, нельзя ожидать существенной пользы от сепарации для каждой из них.

Грузинские власти отрицают, что абхазские лидеры руководствуются добрыми намерениями, добиваясь отделения. Согласно их доводам, нет основательных причин стремиться к сепарации от государства, предоставившего множество прав и привилегий абхазской нации. «Истинные» намерения абхазов, как они утверждают, заключаются, наоборот, в том, чтобы возродить Советское государство и сыграть на

²⁸ Текст конституции Абхазии можно найти на сайте: <http://www.abkhazia.org/>

руку имперским интересам России. По другим версиям абхазской политики, сецессия соответствует интересам местной номенклатуры. Будучи широко распространенными в грузинских средствах массовой информации, такие взгляды верны лишь отчасти. Политика сецессии абхазскими властями действительно строилась на идее о том, что у России есть воля и способность к тому, чтобы усилить позицию Абхазии в конфликте, даже если она и не поддерживает право на независимость. Придерживаясь противоположной грузинской точке зрения на имперскую роль России (ее внешняя политика основана на принципе «разделяй и властвуй»), абхазские власти надеются, что их северный сосед сыграет стабилизирующую роль. Они пытаются убедить московские власти в том, что суверенитет станет предпосылкой к подобной стабилизации. Международный суверенитет найдет свое проявление либо в независимости либо в статусе ассоциированного с РФ государства.

Независимость, а не федеративный статус государства во многих отношениях полнее бы удовлетворила интересы абхазского руководства. По сравнению с несuverенными образованиями независимость открывает больший доступ ко множеству ресурсов. В качестве членов международных экономических организаций независимым государствам легче, чем федеративным, получить доступ к грантам и займам. Они также обладают особым доступом в международные организации по безопасности, которого лишены несuverенные образования.

Националистический взгляд на освобождение от иностранного угнетения сыграл решающую роль в массовой мобилизации абхазов. Поддержка идеи независимости на референдуме в октябре 1999 г. в значительной степени свелась к вопросу о лояльности к национальному сообществу и властям. Те, кто поддержал решение, стремились главным образом придать больший вес полному праву на самозащиту. Отсутствие общественной дискуссии и демократических процедур не позволило проголосовавшим достоверно оценить альтернативные возможности выбора. Но принцип добрых намерений соблюли лишь в той мере, в какой по нему судят не о справедливости самого абхазского права, а о его субъективной стороне, т.е. о справедливости намерений абхазов.

Еще одним условием для того, чтобы односторонняя сецессия могла считаться легитимной, является наличие реальный шанс на успех (принцип вероятности успеха). Такая вероятность должна рассматриваться как весьма прозрачная. Международное сообщество, включая и Российскую Федерацию, не заинтересовано в создании прецедента для других сепаратистских движений. Разрушительные последствия решения не вести переговоры об образовании федерации Абхазии и Грузии драматически сказались на экономическом и социальном положении абхазского населения. Инвестирование почти не возможно в ненадежных условиях. Международные агентства по развитию не в состоянии предоставлять средства на реконструкцию, поскольку такую поддержку можно истолковать как форму признания независимости Абхазии.

Заключение

В данной статье обосновывался тезис о том, что отклонение разных версий оправдания военных действий, предпринятых грузинской стороной, не предполагает признание правомерным притязание на независимость со стороны абхазов. Статус независимости не обязательно возникает как следствие применения принципа правого дела к грузино-абхазскому этнонациональному конфликту. Согласно принципу крайнего средства, образование федерации могло бы исправить и предотвратить различные виды несправедливости, имевшие место в прошлом. В Абхазии односторонняя сецессия была оправдана как средство реализации относительно малой частью населения его права на самоопределение, что противоречит принципу легитимности власти. Одностороннее объявление сецессии еще более затруднило признание за грузинским населением Абхазии его права на возвращение туда. Его политические и социальные издержки намного превышают выгоды, что противоречит принципу соразмерности. Нет реального шанса на признание международным сообществом одностороннего объявления Абхазией о ее независимости, и это означает, что также нарушен принцип вероятности успеха. Решение об отделении, тем не менее, соответствует

принципу добрых намерений в той мере, в какой речь идет об их сугубой субъективности.

Но легитимный результат этнонационального конфликта зависит не от одной лишь абхазской стороны. В этой главе приведены доводы о том, что масштаб ответственности грузинских властей за предпринятую ими в 1992 г. военную интервенцию намного больше. Их отказ признать эту ответственность весьма отягощает процесс политических переговоров. К тому же им не удалось создать проект федеративного государства, в управлении которым участвовали бы все народы Абхазии. Однако отказ абхазских властей начать переговоры о политическом статусе своей страны в рамках общего государства не дает ни малейшей возможности судить, в какой мере грузинские власти готовы к поискам альтернатив войне и сецессии, основывая в будущем управление этим государством на принципах разделения полномочий и федерализма.

Последствия такой политики могут оказаться фатальными для Грузии и Абхазии²⁹. Не исключена новая война. Правительство Шеварднадзе в значительной мере утратило свою легитимность со второй половины 90-х гг. из-за плохого управления экономикой, коррупции и отсутствия надежды на завершение абхазского конфликта. Абхазское руководство также во многом лишилось своей популярности после окончания войны. Отсутствие экономических перспектив вынуждает многих молодых людей эмигрировать из Абхазии. Провал попытки Грузии укрепить свою государственность и отток населения из Абхазии - самые очевидные последствия полного отсутствия моральных принципов, необходимых для решения проблем сецессии и применения силы, недостатка творческого воображения при принятии институциональных решений и политической воли идти на компромисс до конца.

²⁹ См. об этом: Coppieters Bruno. Tempting the Fates. Abkhazia and Georgia play a Dangerous Waiting Game // Armenian International Magazine. March 2001. P. 68-69.